

гим, как и то, что без опоры на понятие дискурса невозможно в наше время адекватное разрешение традиционной лингвистической проблематики.

Литература

1. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995.
2. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // М.М. Бахтин (под маской). М.: Лабиринт, 2000. С. 350-486.
3. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. Вып. 2. Тетради новых терминов, 39. М.: ВЦП, 1982.
4. Диалектика текста: В 2т. Т. 1 / Под ред. проф. А.И.Варшавской. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
5. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996.
6. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. М.: Флинта, Наука, 1998.
7. Серю П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549 – 562.
8. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995.

Н.А.Илюхина

Самарский университет

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗУЧЕНИЯ МЕТОНИМИИ)

Когнитивный подход открывает широкие возможности для лингвистических исследований, предоставляя в качестве объекта анализа категории речемышления в их проекции на язык и обеспечивая тем самым новый взгляд на языковую реальность.

Эти возможности позволяют, в частности, глубже заглянуть в сущность метонимии, увидеть многообразные её проявления в лексической системе языка, в тексте, дискурсе и убедиться в едином характере их когнитивного механизма. Остановимся на нескольких метонимических проявлениях – мало сопоставимых на первый взгляд, обнаруживающих себя в разных условиях и изучаемых в разных отраслях лингвистики: на лексической метонимии, переносе определения, эллипсисе части высказывания и ментальной (образной) метонимии.

Большую историю изучения в лексикологии имеет лексическая метонимия, признанная высокорегулярным явлением, характеризующим лексическую систему. Несобычные, индивидуально-авторские реализации тех же типов переноса рассматриваются в других лингвистических отраслях – стилистике, лингвопоэтике.

Таюже за пределами лексикологии и в ином ракурсе рассматривается перенос определения. Это по сути своей синтаксическое явление изучается, с одной стороны, в стилистике и лингвопоэтике (ср. термин *перенесённый эпитет*), с другой – в культуре речи, где сходные явления квалифицируются с ортологических позиций. См. факты переноса определений, рассматриваемые в плане ортологической оценки: ... *изменения в клетках, зависящие от обменных нарушений* (Б.Аникандров) < нарушений в обменных процессах; *Два живых концерта* (афиша) < живой голос, звук; *невооружённым взглядом* < невооружённым глазом; ... *бюджет скудного здравоохранения* (РТР. Вести) < скудный бюджет здравоохранения. См. подобные факты из письменных работ учащихся: *Мармеладов наделен языком, и даже красноречивым; Он создает удачливые выражения; Век Лермонтова – эпоха эгоистичная и мало заботящаяся об искусстве.* (Ср. похожий перенос за рамками определений: *поднять тост* < поднять бокал, *поднять тарифы* < поднять цены, *видеть* (невооружённым) *взглядом* < видеть (невооружённым) глазом).

В поэтическом тексте сходные с когнитивной точки зрения факты расцениваются как результат художественного при-

ёма, ср.: *В этом мире я только прохожий, Ты махни мне весёлой рукой* (Есенин); *Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь! – Нежной рукой отведя нецелованный крест...* (Цветаева); *Не искушай доверья моего. Я сквозь темницу пронесла его, Сквозь жалкое предательство друзей, Сквозь смерть моих возлюбленных детей* (Берггольц); *...Вечерний звон! Как много дум наводит он О юных днях в краю родном...* (Козлов); *... трезвый день разгонит все химеры...* (Кузмин).

Среди приведённых и подобных случаев можно дифференцировать а) переносы определения с одного концепта на другой при наличии наименований обоих концептов в составе высказывания (*бюджет скудного здравоохранения; ты махни весёлой рукой*) и б) переносы определения с отсутствующего в тексте обозначения (*эгоистичная эпоха*). Дифференциация этих частных разновидностей позволяет обратить внимание на то, что в одних случаях можно фиксировать перемещение определения в рамках линейно связанных компонентов высказывания, в других – приходится говорить о перемещении определения с компонента, лишь подразумеваемого в системе связей. Однако в обоих случаях между определяемыми компонентами имеют место логические отношения смежности (*человек и его рука, здравоохранение и его бюджет, эпоха и живущие в эту эпоху люди*).

Очевидно, что несопоставимые, на первый взгляд, речевые факты представляют собой разные проявления одного когнитивного акта. Об этом свидетельствует чрезвычайно широкая сочетаемость многих прилагательных (как отражение их многозначности, имеющей метонимическое происхождение), фиксируемая отчасти и в словарях. Кроме названных видов переноса определений (в художественной и разговорной речи), само это явление мало обращает на себя внимание в своих системных проявлениях. Между тем степень его регулярности, фиксируемая в рамках макротекста, дискурса, чрезвычайно высока даже по сравнению с лексической метонимией. Ограничимся его фрагментарным показом на нескольких примерах типичного употребления лексемы *светлый*: *светлый человек* –

светлые *глаза* – светлый *взгляд* – светлая *улыбка* – светлая *задумчивость* – светлая *радость* – светлая *душа* – светлый *ум* – светлые *мысли* – светлая *ирония* – светлый *образ* и т.д.; светлый *Бог* – светлый *ангел* – светлый *дух* – Светлое *Христово Воскресение* – Светлое *Благовещение* – Светлый *праздник* – светлая *обедня* – светлая *заутреня* – светлый *вечер* преподобного *Сергия* и т.д. Обратим внимание на то, что определяемые существительные отражают отношения смежности, связывающие соответствующие концепты: человек – глаза – взгляд – улыбка и т.д.; Бог – Христово Воскресение – праздник – обедня и т.д. (подробнее об этом см. [2: 68]). Нередко массовый характер подобных переносов фиксируется в рамках текста и даже фразы, например: *Ушла огромная, насыщенная, талантливая, дружелюбная, остроумная и так необходимая нам, друзьям, и вам, читателям, жизнь Ярослава Голованова* (Комсом. правда). В этой фразе в ряду однородных определений объединены лексемы, относящиеся к двум разным определяемым словам-понятиям – *Ярослав Голованов* (они выделены жирным шрифтом) и *жизнь*. Перенесённым является использование и сказуемого *ушла* (более типично – *ушел Ярослав Голованов*).

При сопоставлении переносов названий и переносов определений обращает на себя внимание сходство или идентичность *отношений* между исходным и новым объектом названия / характеристики, *идентичность векторов переноса слова-названия* (лексической метонимии) и *слова-атрибута*. Эти векторы отражают *типичные разновидности отношений смежности*, хорошо известные по систематике лексической метонимии. В том и другом случае к числу наиболее регулярных моделей переноса относятся *целое ↔ часть*, *предмет ↔ функция*, *признак ↔ его носитель*, *действие ↔ объект действия*.

Другая синтаксическая (лексико-синтаксическая) реализация метонимии наблюдается в случаях эллипсиса части высказывания, например: *победить на кубке Европы* < на соревнованиях чемпионата за кубок Европы; *лекарство от печени* < лекарство от болезни печени; *За такой дорогой машиной сидит молодая девушка* (устная речь) < за рулём машины сидит

девушка; *Эти документы нашли в спецоперации* (РТР) < нашли в ходе (во время) спецоперации; *чайник вскипел* < вскипела вода в чайнике. Логика опущения части высказывания также связана с метонимией: опускается один (и более) из нескольких компонентов высказывания, связанных отношениями смежности в линейном ряду. Однако эллиптированный и оставшийся элемент фразы часто является смежным и в парадигматическом отношении: *соревнования – чемпионат – кубок*; *печень – связанная с ней болезнь*; *руль – автомобиль*, *спецоперация – время её проведения*; *чайник – вода* в нём.

Тот же метонимический механизм наблюдается и в сфере функционирования единиц когнитивного уровня в их проекции на язык.

Ментальная модель способна к фигуральному воспроизведению как в неметафорической, так и в метафорической роли.

Примером воспроизведения первого типа является использование ментальной модели “вместилище” в функции способа интерпретации концептосферы “человек”. Отправной точкой переносов этой модели является осмысление человеком своего тела и его частей как вместилищ. Основные направления её дальнейшего движения (переносов) в данной денотативной сфере, отображённые на схеме, задаются отношениями *целое ↔ часть*:

Дополнительные звенья в общей цепи отношений, отражающих логику экспансии ментальной модели в концептосфере “человек”, порождаются частными типами метонимии: предмет → его функция, действие → результат, основание → следствие и другими. Результатами соответствующих переносов модели вместительности с одного концепта на другой оказываются, в частности, следующие выражения:

в голове → в мозгу → в уме → в мыслях – лишь ты;

в его глазах → в его взгляде – стоял укор;

в груди → в сердце (в душе) → в чувствах – сумбур;

в его руках → в его власти → в его распоряжении – бригада;

в его устах → в его речах → в его похвале – звучит урек.

Анализ показывает (см. об этом подробнее [1]), что ментальная модель в рамках одной денотативной области воспроизводится не статично, а демонстрирует экспансию в стремлении интерпретировать разные денотаты этой сферы, в том числе идеальные. Логика движения модели имеет метонимический характер, при этом проявления метонимии в процессе функционирования ментальных моделей обнаруживают те же логические разновидности переносов, что и в сфере метонимического воспроизведения слов-названий, а также в сфере переносов определений и в сфере эллипсиса.

Аналогичная картина открывается при наблюдении за функционированием ментальной модели в её метафорической функции. В целях иллюстрации этой закономерности рассмотрим воспроизведение образа коня-лошади в роли средства интерпретации сферы человека.

Данный образ регулярно воспроизводится в рамках базовой ассоциации “конь – человек” с актуализацией широкого спектра признаков образа коня, которые характеризуют человека во многих аспектах, ср.: *Не то ли вам рассказывать, Что дважды погорели мы, Что бог сибирской язвою Нас трижды посетил? Потуги лошадиные Несли мы: погуляла я, Как мерин в бороне!..* (Некрасов); *Белов, тот без оглядки будет рваться вперед, он много не понимает. А Карпова придется подгонять, тяжеловоз, медлитель* (Гроссман); *Пожелтевшие листки со-*

хранили приметы их жертвенности... психологической зашоренности (Комсом. правда); Но Дуняшка закусила удила: она тоже побледнела от негодования... (Шолохов); Но я привык работать, тащить воз, а не бороться (Комсом. правда); ... в последние годы, когда театр уже не в такой мере держит меня за вожжи, я получила относительную свободу и смогла сделать поэтические программы (Фрейндлих); ... если нам казалось, что нас никто не видит, то мы просто стояли рядом, как две лошади в стойле. Я клала ему голову на плечо, и большего счастья мне было не надо (Шацкая).

Вместе с тем данная метафорическая модель регулярно воспроизводится по отношению к многим “частям” человека, к концептам структурированного денотата (человека), каждый из которых становится непосредственным ассоциатом образа коня. В результате переносов метафорической модели с целого на части (с субъекта на его состояния, свойства) обеспечивается характеристика разных сторон человека, наиболее часто – называемых лексемами *самолюбие, желание, страсть, восторг, гнев, жестокость, любовь, гордость, гордыня, совесть, характер, нрав, плоть, натура, темперамент, воображение, ум, мысль, память, лень, голод, инстинкт*. Например: ... Тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник – конем... (Тургенев); *Натура Горького была волжской, не терпящей узды, влюбленной в простор* (Павленко); *Чувство дикой, необузданной радости поднялось в нем* (Полсвой); *Ни дипломатический круг, ни монашеский не могли укротить необузданный характер его* (Герцен); *Кое-кому всё, что можно прочесть по глазам, удаётся скрывать “обузданием нервов”* (Песков); *И все из-за этой необузданной гордыни...* (Пожера); *Стояло на минуту снять узду с услужливой памяти, и перед глазами его вставала живая, улыбающаяся Наталья* (Шолохов); *Человек, независимо от его желания, был вынужден говорить метафорически, и вовсе не потому, что не мог обуздать своей поэтической фантазии* (Кассирер); ... *Гордость, не позволявшая ей, отверженной, оставаться в Ягодном, встала в ней на дыбы* (Шолохов); – *Не пропадем!* – резко сказал

Степан, будто осадил тайные свои... думы (Шукшин); *Мысль наша до сих пор в шорах* (Комсом. правда); *...Обуздать мысль труднее, чем всякую страсть...* (Герцен). Ср. пример переноса образа в область смежного понятия (*мысль* → *полёт мысли*), переноса определения на слово, смежное в линейном ряду: *...Такое мог ...придумать – только человек творческий, с необузданным полетом мысли* (Волж. коммуна).

Очевидно, что денотаты образа коня: *человек* (чувствующий, свободный, несвободный и т.д.) и *аспекты* человеческого организма и личности (*чувство, мысль, темперамент*) – находятся между собой в отношениях смежности: как целое и части, как субъект и его признак, творец и его порождение и т.д. Такие отношения между объектами приложения метафорической модели определяют *метонимический характер векторов её переносов* в рамках одной денотативной сферы.

Анализ показал, что *векторы движения* (перенесения) в рамках *лексической метонимии, векторы переноса определений, траектория движения ментальной модели* в процессе её воспроизведения в одной денотативной сфере (без метафоризации и с метафоризацией этой модели) являются *общими* и имеют метонимическую логику. Закономерности воспроизведения тех и других единиц оказываются едиными. Это обстоятельство даёт возможность использовать детально разработанную лексикологами типологию лексической метонимии в качестве базы для изучения и типологии других метонимических проявлений в речи и дискурсе, а также в конечном счёте – для выявления *метонимических инвариантов в системе языка, в речи и дискурсе*.

Интегративную роль в этом способен сыграть когнитивный взгляд на речевую реальность. Именно он позволяет исправить положение, когда разные стороны одного и того же явления изолированно анализируются в разных научных дисциплинах, выделяющих *лишь значимые для них проявления* одной и той же закономерности.

Литература

1. Илюхина Н.А. О роли метонимии в интерпретации концептосферы "человек" (на материале ментальной модели "вместитель") // Вестник Самарского государственного университета. 2002. № 3.
2. Илюхина Н.А. Метонимия как механизм функционирования ментальных моделей (ментальная модель "живое" в концептосфере "человек") // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: Материалы международной научной конференции: В 2 ч. Ч.1. Самара, 2002.

Л.Б.Карпенко

Самарский университет

ПРИНЦИПЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Семиотический подход стал объективной реальностью исследований XX века и в фундаментальных науках, и в теории художественного творчества. С точки зрения современной семиотики культуры, человек живет в окружении знаков: знаковой природой характеризуется язык человека, созданные им тексты и весь мир культуры. Разнообразные знаковые системы участвуют в воспроизведении и кодировании моделей мира – художественных, научных, религиозных. Самые разные формы проявления человеческого творчества – естественный язык, миф, обряд, литература, кино, изобразительное искусство, музыка, а также история и сам человек – изучаются сегодня как объекты семиотики. Семиотика, или теория знаковых систем, возникла на стыке целого комплекса наук: философии, лингвистики, культурологии, общей психологии, математической логики и других наук, предметом анализа которых является "язык" знаков. Каждая отдельная наука рассматривает конкретные типы и аспекты знаковой деятельности, например, культурология рассматривает содержание знаковых систем определенных культур и эпох, философия интересуется гносео-